

АРКАДИЙ
ИНИН

АРКАДИЙ
ИНИН

СУДЬБА ИГРАЕТ
ЧЕЛОВЕКОМ

Москва
2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
И64

Автор благодарит фотохудожников:
Г. Авраменко, А. Афанасьева, Е. Булову, С. Иванова,
И. Каледину, Л. Камышеву, Б. Кремера, Е. Сухову,
Н. Четверикову, И. Шагова,
чьи работы украшают вкладышки книги.

Инин, Аркадий.
И64 Судьба играет человеком / Аркадий Инин. — Москва : Издательство
«Э», 2018. — 864 с.: ил.
ISBN 978-5-04-093491-1

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-04-093491-1

© Инин А., текст, 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

ЭТОЙ ИГРЕ СУДЬБЫ
ПОДЫГРАЛИ СЛАВНЫЕ

МЕЦЕНАТЫ

АРАЗ АГАЛАРОВ
СЕРГЕЙ БЕЗСМЕРТНЫЙ
ГЕОРГИЙ БООС
ЛЕОН ГАНДЕЛЬМАН
АНДРЕЙ ГОЛУШКО
АЛЕКСАНДР ДЖАПАРИДЗЕ
АЛЕКСАНДР ИОФФЕ
ОЛЬГА КАБО
ВИКТОРИЯ КАЗАКОВА
ВЛАДИМИР КАРАСИК
НИКОЛАЙ МАСЛЕННИКОВ
ЛЕОНИД ОГОРОДНИКОВ
АНДРЕЙ ПОДЕНОК
ПАВЕЛ ПОЖИГАЙЛО
ВЛАДИМИР ПОЛЯКОВ
НИКОЛАЙ ПОНОМАРЕВ
ЮЛИЯ ПОТАПОВА
МАРК РУДИНШТЕЙН
СЕМЕН РУДЯК
АЛИМЖАН ТОХТАХУНОВ

ТЕЛЕРОМАНЫ

СУДЬБА ИГРАЕТ ЧЕЛОВЕКОМ, А ЧЕЛОВЕК ИГРАЕТ НА ТРУБЕ

Первая глава

1956 год, МОСФИЛЬМ.

Киносьемочный павильон. Свет, камеры.

Выбегает ассистентка и хлопает хлопушкой, на которой написано:

«КАРНАВАЛЬНАЯ НОЧЬ».

Молодой режиссер Эльдар Рязанов командует:

— Мотор!

На круге сцены выезжает оркестр в светлых костюмах и дирижер Эдди Рознер в белом смокинге с бабочкой.

Он взмахивает золотой трубой. Оркестр играет увертюру.

Позади камеры стоят артисты — Игорь Ильинский, Людмила Гурченко, Сергей Филиппов, Владимир Зельдин, Юрий Белов..

Восхищенно слушают музыку оркестра. И тихонько переговариваются:

— Повезло! С Рознером фильм обречен на успех!

— Ну, еще неясно, как будут смотреть зрители...

— Но совершенно ясно, как будут слушать! Рознер — лучший джаз страны!

— Говорят, Рязанов танцевал на радостях, когда Эдди дал согласие играть...

— Тихе, пожалуйста, тихе! — взволнованно шепчет Гурченко. — Сейчас его соло!

И действительно, Рознер выходит на соло. Высоко и чисто поет его сияющая золотом труба...

Так же высоко и чисто пела труба молодого Рознера — еще безусого и тогда еще звавшегося Ади — **1 сентября 1939 года в элитном ВАРШАВСКОМ КЛУБЕ «ЭСПЛАДА».**

В первом ряду за играющим на сцене Ади влюбленно наблюдает девятнадцатилетняя красавица Рут с букетом цветов.

Пылкими взглядами подают Ади из зала и другие барышни и дамы: он — любимец прекрасного пола.

Но сам Ади отвечает страстным взглядом только Рут и, кажется, играет лишь для нее.

Рознер выдает последнюю ноту, зал аплодирует, Рут бежит на сцену, отдает Ади цветы. Тот нежно целует ей руку.

Дамы в зале завистливо вздыхают, но продолжают бурно аплодировать.

— Не хочу тебя отпускать, — шепчет Ади, удерживая руку девушки.

— Мне пора домой, ты же знаешь — мама... — тоже шепчет смущенная Рут.

— Опять мама?! — вскипает Ади. — Я украду тебя, как принцессу из замка, разрази меня гром...

Он не успевает договорить — раздается отдаленный грохот.

— Это что... правда гром? — смеется Рут.

Но в следующий миг ей уже не до смеха — жуткий грохот приближается, превращаясь в рев самолетов и взрывы бомб.

В зале рушится потолок.

Зрители с криками бросаются на выход.

Ади хватая Рут за руку и тащит ее под большой белый рояль.

Новый грохот взрыва, с потолка и стен валится прекрасная лепнина. В дверях зала толчея нарядных дам и господ — в «пудре» штукатурки, кому-то на шляпку упал цветочный горшок, кого-то укутало сорванной портьерой... Всё и трагично, и комично.

Какие-то осколки в нервном ритме бьют по клавишам белого рояля.

А под ним Ади укрывает Рут в своих объятиях, успокаивая ее:

— Не бойся, моя принцесса! Я с тобой, я тебя защищу от всего... Я люблю тебя!

— И я тебя люблю!

Ади еще крепче обнимает Рут и выпаливает, может быть, неожиданно для самого себя:

— Выходи за меня замуж!

Несколько секунд они ошалело — то ли от бомбежки, то ли от нахлынувших чувств — смотрят друг на друга. Потом Рут счастливо шепчет:

— Я согласна!

И тут же новый грохот упавшей бомбы.

Над Варшавой летят фашистские самолеты, город крушат бомбы начавшейся мировой войны.

Рут и Ади бегут по улицам мимо горящих руин.

— Боже, только бы с мамой все было в порядке!

— С ней все в порядке! — заверяет Ади.

— Я молюсь об этом, но...

— Никаких «но»! Ты со мной — значит, у нас и наших близких все будет хорошо!

Рут даже приостанавливается, удивленно глядя на самоуверенного Ади.

Любимый крепко обнимает ее и целует.

Бегущие мимо испуганные люди недоуменно косятся на эту парочку.

От здания Еврейского театра Варшавы осталась только одна стена с афишей пьесы Шолом-Алейхема «Кровавая шутка».

Среди развалин бродит Ида Каминская — тридцать восемь лет, великая актриса и хозяйка театра. Она растерянно собирает детали театральных костюмов, куски декораций, автоматически отряхивает с них пепел.

За ней уныло ходит ее молодой, тридцатилетний, муж Мел:

— Идонька, дорогая, идем отсюда... Идем в гостиницу...

Но Ида твердит, как во сне:

— Кое-что сохранилось... Вот, видишь, Мел... Кое-что все же сохранилось...

— Да-да, конечно... А главное, Идонька, все наши из театра живы... Они в гостинице, и мы туда сейчас пойдем, пойдем...

Мел за плечи уводит Иду из развалин театра. Но она вдруг вырывается:

— А Рут? Где она? Надо искать Рут!

Искать не пришлось — Рут и Ади прибегают сами.

Женщины бросаются обниматься.

— Мамочка!

— Девочка моя!

— Я же говорил: все будет хорошо! — сияет Ади.

— Что хорошего? — Мел горестно обводит рукой развалины: — Театр погиб...

Но Ади не теряет бодрости:

— Погиб не театр, а только стены! Ну и что — стены будут новые!

— Что же делать?.. — Ида сжимает виски ладонями. — Что сейчас делать?..

— Мы знаем, что делать сейчас!

— Что?

— Жениться! — Ади обнимает Рут.

— Шлемазл!

Ида вмиг превращается из великой актрисы в обычную еврейскую маму:

— Ручочка, я тебе сто раз говорила, что этот музыкантишка — придурок!

— Мама, я его люблю!

— Этого Казанову?!

— Ади не Казанова! — протестует Рут.

— Я люблю только вашу дочь! — заверяет Ади.

— Да он тебя в карты проиграет!

— В карты Ади только выигрывает!

— Глупцы, нашли время жениться! — стонет Мел.

— А для любви время — всегда! — парирует Рут.

Ида и Мел гневно открывают рты, но Ади их опережает:

— Ну, раз все согласны, благословите нас!

— Наглец! — Ида вновь сжимает пальцами виски. — Да что вам наше благословение — все равно синагога горит...

Ади и на это есть что ответить.

— А мы видели: ребе Мордехай бежал по улице живой-здоровый, с Тойрой под мышкой!

Синагога — в дымящихся руинах. Но возле нее выстроена хупа: навес из молитвенного покрывала талит, привязанного веревками к четырем палкам, вкопанным в землю.

Взволнованная Рут, на голове которой откинутая фата, сидит на стуле. Жениха Ади сопровождают Ида и Мел, несущие зажженные свечи.

Раввин перемежает канонические слова молитвы своим комментарием:

— Жених в день своей свадьбы подобен царю, а невеста — царице... Дураки... Что они себе таки думают... А вы сопровождайте их, как царская свита, и освящайте их путь к хупе огнём свечей... На улице война, а этим глупцам приспичило жениться...

Ади опускает полупрозрачную фату на лицо Рут.

— Отныне ты отделена, запрещена для всех мужчин в мире — словно ценность, что посвящена Храму и которой нельзя пользоваться никому в мире... Как вам это только в голову пришло?!

Раввин мажет лоб Ади пеплом, а затем передает ему ктубу — бумажный свиток свадебного письма.

— Именно на мужчину возложено искать жену. Подобно тому, как человек, который потерял нечто, вынужден искать свою потерю.

Ади проникновенно смотрит на Рут:

— Я в присутствии твоих родителей обещаю работать, уважать тебя, заботиться о тебе — так, как ведут себя мужья в народе Израиля. Пищи, одежды и супружеской близости я не лишу тебя.

Ади отдает ктубу-письмо Рут. Раввин подает Ади кольцо. Тот надевает кольцо на указательный палец Рут.

— Теперь вы — семейная пара!

Раввин запекает молитву кадиш.

Редкие прохожие, спешащие по разбомбленной улице, с изумлением оборачиваются на странную свадебную церемонию.

Ади поит Рут вином из своего бокала, допивает остатки сам.

Мел заворачивает этот бокал в салфетку и кладет на землю.

Ади раздавливает бокал каблуком ботинка:

— Я разбиваю этот бокал в память о разрушенном Храме. Если забуду тебя, о Иерусалим, пусть забудет меня десница моя!

— Амен! — завершает ребе.

И не удерживается от последнего комментария:

— Господь, верни этим безумцам разум!

В номере гостиницы Ида и Мел слушают радиоприемник.

— Сегодня двадцать восьмого сентября тысяча девятьсот тридцать девятого года был подписан Договор о дружбе и границе между СССР и Германией...

Диктор продолжает еще что-то говорить, но Мел выключает приемник:

— Хороша дружба! Поделили Польшу, как пирог!

— А как же теперь мы? — растеряна Ида.

— А мы... да не мы одни... тысячи людей — между молотом и наковальней!

— Я говорила, надо было ехать в Бразилию!

— Нет, дорогая, я люблю родную Польшу и никуда не поеду!

— Но ты же сам сказал: Польши уже нет...

Наступает тягостное молчание. Мел обнимает Иду.

— Дорогая, а может, не надо никуда бежать? Немцы — цивилизованная нация...

Мела прерывает голос Ади:

— А эти цивилизованные еще не мерили циркулем ваши черепа на предмет арийства?

Ади явился под руку с Рут. Она — в пеньюаре, он — шелковом халате и сеточке для волос: счастливые новобрачные, живущие в своем мире — вне войны.

— Так что ты предлагаешь? Что? — торопит зятя Ида.

— Я предлагаю ехать за мной!

— Куда?

— В Россию!

Рут послушно и нежно прижимается к мужу.

А Мел возмущенно машет руками:

— Да нет никакой России! Есть страна страшных большевиков!

— Большевиков я не видел, — возражает Ади. — А фашистов видел.

И вы видели. Неужели мы бежали от них из Берлина в Варшаву, чтобы дожидаться погромов здесь?

В гостинице Ида и Рут заняты укладыванием вещей. Вещи — изысканные, дорогие, но теперь в мятом беспорядке выглядят жалко.

— Мамочка, больше в чемоданах не помещается!

— Будем собирать в узлы.

— Мы не сможем увезти все.

— Мы должны увезти! Мы теперь — беженцы, понимаешь?

Появляется, как всегда жизнерадостный, Ади:

— А может, привыкать обходиться без вещей?

— От кого я это слышу, пижон! — фыркает Ида. — Лучше сними гардины, сделаем из них узел для вещей.

— Мама, все это просто не поместится в машину!

— Почему, Руточка? — улыбается Ади. — Пойдем, я покажу, что в машине полно места!

Рут недоуменно смотрит на Ади.

— Не ходите с пустыми руками! — командует Ида. — Возьмите в машину чемодан!

Рут и Ади с чемоданом уходят.

У подъезда припаркован синий «Фольксваген».

— Мы действительно будем измерять чемоданами багажник? — вздыхает Рут.

— Делать нам нечего! — Ади бросает чемодан в машину. — Поехали!

— Куда?

— Что за вопрос? Под хупой ты обещала слушать меня беспрекословно.

Рут послушно забирается в машину.

Они едут по Замоквой площади с колонной Сигизмунда, мимо Королевского замка.

— Куда ты все-таки везешь меня?

— Куда глаза глядят. Просто я увидел, что ты устала, издергалась... А что может быть лучше прогулки по вечерней Варшаве?

— Спасибо! Жаль, эта прогулка может оказаться последней...

— Не может! Все это безумие закончится, и мы вернемся!

Ади и Рут едут по набережной Вислы.

Возле Старого Мяста притормаживают у фонтана-памятника русалке Сиренке, с мечом и щитом, прикрывающим обнаженную грудь.

Вокруг тревожная суета, бегут люди с тюками вещей. Испуганно шахаются от марширующих немецких солдат.

Ади и Рут выходят из машины.

— Здравствуй, красавица Висла! — отвешивает поклон реке Ади. — Здравствуйте, пани Сиренка!

— Я ее с детства люблю, — улыбается Рут, — такая красивая, смелая...

— Но до твоей красоты и смелости ей далеко!

— Какой же ты льстец! И очень легкомысленный. А сейчас как-то не до веселья...

— Знаешь, когда мы, мальчишки, безобразничали под окнами нашего старого соседа Боруха, его жена Рейзл окатывала нас водой, а старый Борух говорил: «Веселитесь, дети, пока вам веселится... Дальше будет только хуже!» Он знал толк в жизни, Руточка...

Рут грустно улыбается. Но Ади не теряет бодрости.

— Зайдем в кофейню? Съедим мазурек или пляцок! Запьем чудесным варшавским кофе!

В кофейне пусто и полутемно. На маленькой эстраде негромко играет трио.

Одинокий официант бросается к Ади и Рут, провожает их за столик, тщательно протирает салфеткой столешницу:

— Матка Бозка, первые гости за день! Раньше у нас яблоку негде было упасть, а теперь... Проклятая война!

Ади и Рут присаживаются за столик.

— Мгновение! Принесу меню!

Официант испаряется.

Ади нежно берет ладони Рут в свои ладони:

— Вот так будет всегда. Что бы ни происходило вокруг, мы с тобой вместе, нам тепло, чудесно пахнет кофе...

— И музыка, — улыбается Рут.

— И музыка.

Ади подходит к музыкантам, тихо переговаривается.

Трубач уступает ему свой инструмент. Ади начинает попурри-импровизацию на темы польских мелодий. Музыканты слаженно подыгрывают ему. Звучит это грустно и светло.

Синий «Фольксваген» едет по пустынной, разбитой лесной дороге. За рулем Мел, рядом Ида, за заднем сиденье в обнимку Ади и Рут.

— Доберемся мы наконец до цивилизации? — морщится на очередном ухабе Мел.

— Мы от цивилизации только удаляемся! — вздыхает Ида.

— Интересно, как мы сможем устроиться в России?

— Блестяще! — уверяет Ади.

— Опять твой идиотский оптимизм!

Ади ничуть не обижен.

— Мел, давай я поведу, ты устал, нервничаешь...

— Лучше быть усталым, чем мертвым! — язвит Мел. — Ты же известный лихач. Даже не догадываешься, что в машине есть тормоза.

— Что ты выдумываешь! — немедленно вступается Рут за любимого. — Ади блестяще водит машину!

Мама Ида закатывает глаза:

— Боже, так потерять голову из-за какого-то музыкантишки!

Ади смеется и обнимает Рут.

А за поворотом дороги вдали показывается свежесрубленный деревянный контрольно-пропускной пункт с полосатым шлагбаумом.

— Доехали! — радуется Мел и прибавляет ход машины.

Но от шлагбаума разворачивается и едет навстречу им белый «Опель».

— Кажется, это Вашиньские... — приглядывается Ида.

Поравнявшись, машины останавливаются. Оба семейства выходят из них.

— Вы хотите в Россию? — спрашивает пани Вашиньская.

— А вы что, передумали? — уточняет Ида.

— Нет, просто нас завернули — нужно разрешение пересечь границу.

— Да ведь здесь не было никакой границы! — удивляется Ади.

— А со вчерашнего дня есть, — объясняет пан Вашиньский. — И нужен пропуск немецких властей.

— Они просто захлопнули мышеловку! — пинает колесо машины Мел.

— Успокойся, дорогой, — трогает за рукав Ида. — Мы же не очень хотели в Россию...

— Но быть убитыми немцами мы хотели еще меньше!

Ади решительно заявляет:

— Должен быть какой-то выход! Я уверен: должен!

Пан Вашиньский усмехается:

— Люди — везде люди... Нам сказали, что местные селяне за какую-то мзду по ночам переводят беженцев своими тропами.

— И где искать этих проводников?